

Министр чинов как-то сказал: ничего большего и не нужно, только бы Восточная палата за людей себя держала...

Хэ Сы, цокая языком от восхищения, оценил ловкость Лу Чжэнмина, и любопытство к сему персонажу возросло. С такими-то способностями — надо же, каким же неуживчивым надо быть, чтобы в Императорской гвардии так и не выбиться в люди...

Времени оставалось немного, провизии, что добыл Чжао Цзинчжун, было в обрез. Хэ Сы наскоро приготовил несколько простых домашних блюд: жареный тофу, рыбу в кисло-сладком соусе, хрустящие огурчики, а из оставшихся после разделки рыбы продуктов сварил трёхцветке прозрачный суп с рыбьей головой.

На кухне было не слишком светло. Хоть Чжао Цзинчжун и понаставил лишних свечей, опасаясь, как бы его Наместник не отхватил себе палец, свет охватывал лишь крохотное пространство у очага.

Хэ Сы наклонился, зачерпнул половник соуса и полил рыбные куски, чтобы добавить бульона. Свечной свет вытянул его тень, очертив плавные, мягкие линии спины и талии.

Он был так сосредоточен, что и не заметил пристального взгляда Лу Чжэнмина. Закончив с кушаньями, он лениво потянулся и лишь тогда обнаружил, что Лу Чжэнмин сидит в углу недвижимо. Тень скрывала его брови и глаза, и Хэ Сы пробормотал:

— Неужто заснул? Не может быть.

Лу Чжэнмин тихо рассмеялся, и в смехе том сквозила неуловимая глубина:

— Наместник самолично у плиты стоит — такое диво как же упустить.

Хэ Сы фыркнул. Ага, я тут вкалываю, днём при юном императоре на побегушках, вечером же вынужден унижаться, дабы услужить вам, двум господам. Не будь ты тут с рёвом и воплями, не предложи ты даже прелести свои в обмен на мою милость — глядишь, уже бы валялся на загородном кладбище, звёзды с луной разглядывал да с висельниками по соседству беседу вёл.

Тут Хэ Сы и в мыслях не держал, что его мимолётная насмешка вскоре станет пророческой — вот только лежать на кладбище, звёзды с луной разглядывая, придётся ему бок о бок с Лу Чжэнмином...

На сей же раз, дабы поскорее выполнить то, что велела потрёпанная книга, он скрепя сердце позволил сему мелкому гвардейцу побыть с ним.

Хэ Сы было даже вознамерился искренне пригласить Чжао Цзинчжуна и Янь Чуня разделить трапезу, но Чжао Цзинчжун, перепугавшись, подхватил Янь Чуня и взмыл на крышу, заявив, будто они, люди воинские, после полудня не едят.

Врёшь! Я тебя не раз после обеда видел, как ты из императорской кухни по паре куриных окорочков стащишь, да с Ли Баого на дереве, чавкая, их уплетаешь.

Так что на кухне решили, будто крысы завелись, и каждый день требовали кошку завести.

Но в императорском дворце Великой Янь ещё с сотен лет назад кошек держать запрещено. Ни по какой иной причине, кроме как потому, что покойный Великий Предок, основатель династии, родился в год Крысы... А тогдашний государственный наставник, человек почти что

божественный, изрёк: во внутренних покоях ни в коем случае нельзя кошек держать, а не то нарушится покой Великого Предка, да и всей Великой Янь удача пошатнётся.

Выхода не было — на кухне наловили нескольких псов и с великим трудом обучили их крыс ловить.

В конце концов все псы в императорской кухне стали мастерами по отлову грызунов, вот только куриные окорочка по-прежнему пропадали как ни в чём не бывало...

...

Итак, за столом оказались лишь он да Лу Чжэнмин, да ещё старая кошка лет десяти.

Двое людей да кошка ели молча, но почему-то на удивление гармонично.

Настолько гармонично, что Хэ Сы, чем дальше, тем сильнее ощущал, будто атмосфера становится странной. Особенно учитывая, что его сотрапезник совсем недавно открыто заявил о вожделении к его красоте.

Что это за невыносимая атмосфера семейного уюта на троих?..

Хэ Сы содрогнулся, торопливо вышвырнув из головы сии диковинные мысли.

Наверное, он переел пилюль защиты сердца — вот мозги и повредились!

К счастью, после трапезы книга не стала выкидывать новых фокусов, и Хэ Сы невольно облегчённо вздохнул.

Появившиеся словно из-под земли слуги бесшумно проскользнули на кухню, дабы убрать остатки.

Лу Чжэнмин краем глаза невзначай на них взглянул, взгляд скользнул мимо, и, прижимая к груди сытую трёхцветку, он медленно поднялся:

— Сегодня благодарю Наместника за попечение. Время позднее, не смею более докучать, а потому откланиваюсь.

Хэ Сы, запивая чаем першение в горле, опешил. Неужто этот прилипчивый тип, досидев до сей поры, собрался уходить???

Братец, ты же нарочито умирал-жить не хотел, непременно жаждал взойти на мой разбойничий корабль, а теперь, не успев на борт ступить, уже сбегаешь?

Неужто уже разгадал зловещую и жестокую сущность нашей Восточной палаты???

Хотя, впрочем, все вороны чёрны, и ваша Императорская гвардия не белей снега.

Хэ Сы в душе недоумевал, но больше всего, пожалуй, его грызла досада от того, что его попросту надули, накормили и обобрали...

Он, не глядя на того, изящно отодвинул крышечку чашки, смахнул пенку и меланхолично спросил:

— Откланиваешься?

Перед людьми из Восточной палаты Лу Чжэнмин, держа кошку, склонил голову, являя вид смиренный и почтительный, да и голос понизил на несколько тонов:

— Наместник спас мне жизнь — сей долг непременно возвращу, хоть травой свяжусь, хоть кольцо в клюве принесу.

Слуги Восточной палаты с каменными лицами мыли посуду, а внутри у них уже вовсю бушевало: О-о-ох, новый начальник и впрямь мастер! Даже старому Наместнику с его грубыми приёмами не сравниться — сам, добровольно, душой и телом отдаётся! Ловко, ловко!

Окажись Хэ Сы в курсе их мыслей, завтра им пришлось бы не головы рубить, а корыто со свиньями таскать.

Но Хэ Сы не ведал. Хэ Сы пребывал в ярости от того, что его облапошили на ужине. Ярости, кою он не мог выплеснуть, не уронив собственного достоинства. Хэ Сы мирно отхлебнул чаю, осанка его была безупречна, так что даже убогая кухня обрела изысканность чайного павильона. Не глядя на Лу Чжэнмина, он небрежно бросил:

— Ступай.

Словно Лу Чжэнмин был всего лишь ничтожным муравьём у его сапога.

И по положению их обоих так оно и было.

Один — высоко вознёсшийся Наместник Восточной палаты, в чьих руках судьбы несчётных людей; другой — мелкий офицерик с самого дна Императорской гвардии, чья жизнь и смерть от него не зависят.

Разница меж тучей и подножной грязью — вот и всё.

Чжао Цзинчжун, тайком наблюдавший за сей сценой, уже готов был расплакаться от выдуманной им же самим драмы неразделённой любви. У-у-у...

Лу Чжэнмин согнулся в поклоне и медленно попятился прочь.

Сделав сей шаг за порог, он мог запросто сложить голову от рук людей Восточной палаты. Но он так и не обернулся, переступив порог.

— Погоди, — вдруг молвил Хэ Сы.

Лу Чжэнмин замер. Стоя спиной к Хэ Сы, лица его не было видно.

Хэ Сы бесстрастно произнёс:

— Кошку оставь.

Мать твою, мой ужин сожрал — и мою кошку ещё с собой уволочёшь! Бесит!

Лу Чжэнмин...

Лу Чжэнмин, казалось, с лёгкой досадой, едва слышно вздохнул, быстро обернулся и почтительно протянул кошку обеими руками.

Трёхцветка тут же принялась выть, словно её режут. Кто ни попытался бы приблизиться —

остался бы с окровавленной мордой. Ни в какую не желала покидать Лу Чжэнмина.

Хэ Сы почернел лицом, старая кровь застряла в горле. Ну хорошо же, тварь переметная! Мою рыбу сожрала — и с другим сбежать собралась!

Знал бы — кастрировал заранее!

Трёхцветка ощутила убийственный посыл и замерла.

Хэ Сы потерял весь интерес и апатично бросил:

— Ладно, забирай. Смотри за ней у меня хорошенько.

Лу Чжэнмин тихо возблагодарил за милость и, волоча слегка хроющую ногу, заковылял к воротам двора. Лунный свет делал его и без того худое, словно щепка, тело ещё более тщедушным, подобно одинокому бродячему духу.

Хэ Сы лишь мельком взглянул и отпустил.

Тот, кто связался с Восточной палатой, не сбежит. Захотел уйти — один лишь путь перед ним: дорога в жёлтые источники.

После того как в тот день книга дважды досадила Хэ Сы, она, видимо, осознала, что перегнула палку, и последующие несколько дней смиренно лежала под ножкой стола, не выкидывая фокусов.

После Холодных рос зима была уже на пороге, и в передних палатах, и во внутренних покоях воцарилось затишье.

Как говорится, осенью — жатва, зимой — хранение. Протрудившись целый год, все ведомства подошли ко времени завершения дел и отдыха. Во внутренних покоях же со времени кончины покойного императора особых дел и не было. Все дела во дворце вертелись вокруг императора да государынь. Государь же был ещё юн, не обзавёлся ни императрицей, ни наложницами, отчего в запретном городе более чем наполовину воцарилась праздность.

А вместе с ней и скука. Хэ Сы, выкраивая минутку среди занятости, с ностальгией вспоминал пышное зрелище, что являл собой гарем при покойном императоре: цветы да бабочки, соперничество и великолепие. Сам он статен лицом, покладист и улыбчив, и когда хаживал с приёмным отцом по внутренним покоям, все госпожи и наложницы норовли чего-нибудь да пожаловать. Каждый год под конец зимы, когда из всех дворцов сыпались награды, кошелёк Хэ Сы туго набивался, и он становился таким богатеньким малым.

Нынешний год завершался не столь оживлённо, как в прошлые годы. Разве что в последние дни года, когда знатные дамы будут являться во дворец с новогодними поздравлениями государю и вдовствующей императрице, поднимется некоторая суета. Однако после кончины покойного императора прошло не так уж много времени, так что и суета будет в меру.

Как бы то ни было, бремя на плечах Хэ Сы ничуть не облегчилось.